

«Он был крестьянин моего деда Ивана Гавриловича Дмитриева, из деревни Ивановское, более известной под другим названием: Чекалино, в семи верстах от нынешнего моего села. Я знал Фрола Силина и помню, как теперь гляжу, его умное лицо, высокий рост, редкую седую бороду и красный нос, потому что он любил-таки выпить. Сколько раз, в моем детстве, он приносил мне меду только что вынутых сотов, потому что он был человек зажиточный. Приятель Карамзина, читавший Фролу Силину описание его добрых поступков, это мой дядя И. И. Дмитриев. Фролу Силину казалось чрезвычайно дико, что о нем написано в книге: как-то он не верил и думал, кажется, не шутят ли над ним и не читают ли наизусть, чего совсем не написано». Далее М. А. Дмитриев излагает «годную хоть в роман» историю рождения карамзинского героя, незаконнорожденного сына украденной разбойниками крестьянки, бежавшей от них, как говорили, «не без денег»; передает народные слухи о том, что сам Фрол Силин «был чуть ли не колдуном и знал какое-то слово, по которому его не трогали разбойники».⁷

Отказ Карамзина от романического сюжета, который предлагала ему действительность, и обращение к простому описанию добродетельных поступков человека, принадлежащего к низшему сословию, были подготовлены как литературной традицией второй половины XVIII в., так и начальными литературными опытами самого Карамзина.

В 1760-е годы, когда оформлялись основные представления о взаимоотношении сословий в феодальном государстве, наравне с социальными проблемами обсуждались вопросы морали и нравственности, рассматриваемые также в рамках сословной структуры. Разницу между дворянством и крестьянством видели не только в том, что дворяне созданы управлять, а крестьяне работать, но и в том, что «подлому» народу органически несвойственны высокие чувства и благородные побуждения. Даже Федор Эмин, занимавший в литературе этого времени достаточно демократическую позицию, знакомый с произведениями Руссо и подражавший ему в своих романах, писал в «Похождениях Мирамонда»: добродетельную женщину «мне кажется, между благородными скорее найти можно. Правда, что и между подлым народом многих женщин повиновение законам добродетельными творит, однако сия добродете-

---

⁷ М. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. Изд. 2. М., 1869, стр. 68—70.